

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

Годъ XXI.

— № 4 —

22 Января 1906 г.

Въ числѣ 52 №№ журналовъ „РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“, 12 книгъ и особыя приложения.

Содержание этого номера:
 Писемка изъ Петербурга 5
 Писемка изъ Москвы 6
 Писемка изъ Варшавы 7
 Писемка изъ Одессы 8
 Писемка изъ Симферополя 9
 Писемка изъ Севастополя 10
 Писемка изъ Керчи 11
 Писемка изъ Феодосии 12
 Писемка изъ Ялты 13
 Писемка изъ Симеиза 14
 Писемка изъ Алушты 15
 Писемка изъ Балаклавы 16
 Писемка изъ Севастополя 17
 Писемка изъ Керчи 18
 Писемка изъ Феодосии 19
 Писемка изъ Ялты 20
 Писемка изъ Симеиза 21
 Писемка изъ Алушты 22
 Писемка изъ Балаклавы 23
 Писемка изъ Севастополя 24
 Писемка изъ Керчи 25
 Писемка изъ Феодосии 26
 Писемка изъ Ялты 27
 Писемка изъ Симеиза 28
 Писемка изъ Алушты 29
 Писемка изъ Балаклавы 30
 Писемка изъ Севастополя 31
 Писемка изъ Керчи 32
 Писемка изъ Феодосии 33
 Писемка изъ Ялты 34
 Писемка изъ Симеиза 35
 Писемка изъ Алушты 36
 Писемка изъ Балаклавы 37
 Писемка изъ Севастополя 38
 Писемка изъ Керчи 39
 Писемка изъ Феодосии 40
 Писемка изъ Ялты 41
 Писемка изъ Симеиза 42
 Писемка изъ Алушты 43
 Писемка изъ Балаклавы 44
 Писемка изъ Севастополя 45
 Писемка изъ Керчи 46
 Писемка изъ Феодосии 47
 Писемка изъ Ялты 48
 Писемка изъ Симеиза 49
 Писемка изъ Алушты 50
 Писемка изъ Балаклавы 51
 Писемка изъ Севастополя 52

Посылка принимается въ главной конторѣ „Русскаго Паломника“ — С.-Петербургъ, Стрельнинная, № 12, собств. домъ. Городскіе обрѣщаются въ отдѣльную контору: Невскій просп., в. № 96, уголъ Надеждинской. Каждый свой посылщикъ получаетъ въ уже вышеописанъ въ 1906 году номеръ журнала со всеми приложениями.
 За перемѣну адреса городского на иногородній, или иногородняго на городской, взимается 50 коп. — городского на городской или иногородняго на иногородній — 20 к. Необходимо прилагать прежній печатный адресъ.
 „Русскій Паломникъ“ одобрена всеми ведомствами.

Библія въ картинкахъ. — Жертвы въ Ветхомъ Заветѣ.
 („Что Господь отъ имѣнія твоего“. — Притч. III. 9. — Къ стр. 63).

Уроки вѣры и благочестія.

О духовной смерти.

Ы хорошо знаемъ, въ чемъ состоитъ смерть тѣла. При смерти тѣла кровь остываетъ, останавливается, прекращается слухъ, взоръ гаснетъ, уста нѣмѣютъ, тѣло цѣпенѣетъ, дѣлается блѣднымъ, холоднымъ, недвижимымъ. Вотъ въ чемъ состоитъ смерть тѣла.

Въ чемъ же состоитъ смерть души?

Такъ какъ душа отлична отъ тѣла, то и смерть ея непохожа на смерть тѣла. Смерть души состоитъ въ помраченіи ума. А мракъ ума есть двойкій: одинъ естественный, а другой духовный. Подъ естественнымъ мракомъ ума обыкновенно разумѣютъ невѣдѣніе вещей естественныхъ, относящихся до круга дѣлъ, нужныхъ для тѣла, нужныхъ для земли. Такого мрака смерть души не наводитъ на человѣка, и люди, мертвые душою, часто бываютъ остры, сообразительны, дальновидны, хорошо знающіе дѣла природы, дѣла семейныя, дѣла общественныя, отлично успѣшны въ изящныхъ наукахъ и художествахъ, словомъ: люди умные, образованные.

Этого недовольно: въ духовной смерти находящіеся нерѣдко бываютъ обширные знатоки Священнаго Писанія, знатоки наукъ богословскихъ и сильные проповѣдники слова Божія.

Такъ какой же мракъ смерть души наводитъ на умъ человѣческій, когда она не препятствуетъ людямъ быть умными и свѣдущими не только въ вещахъ естественныхъ, но и благодатныхъ?

Смерть души наводитъ на насъ мракъ духовный, мракъ, происходящій отъ недостатка въ насъ свѣта Христова, свѣта покаянія, достаточнаго къ возбужденію въ насъ рѣшительности перемѣнить грѣховную жизнь на жизнь добрую, святую, истинно христіанскую. Безъ сего свѣта самый великій умъ, при самыхъ обширныхъ свѣдѣніяхъ, находится въ опасномъ мракѣ, прикрывающемъ погибель души.

Еще смерть души состоитъ въ развращеніи сердца, или воли. Когда тѣло наше живо и здорово, тогда дѣйствія, приличныя его природѣ, совершаются должнымъ порядкомъ. То же бы должно происходить и въ душѣ нашей. По естественному порядку всѣ дѣла души нашей должны идти стройно, согласно съ высокимъ, благороднымъ ея назначеніемъ. Что же мы грѣшныя, къ сожалѣнію, замѣчаемъ въ себѣ? Мы замѣчаемъ, что воля наша сильно стремится къ злу, такъ что мы не въ состояніи владѣть собою. Мы мыслимъ часто о такихъ вещахъ, которыхъ сами гнушаемся, желаемъ того, что сами признаемъ опаснымъ, дѣлаемъ нерѣдко такія дѣла, которыхъ сами стыдимся. Мало того: такое стремленіе къ злу нерѣдко превращается въ безчувственное пребываніе въ злыхъ дѣлахъ, въ совершенную безпечность о покаяніи, такъ что грѣшника ничто уже не трогаетъ, ничто не удерживаетъ отъ порока.

Совѣсть его молчитъ, назидательныя наставленія на него не дѣйствуютъ, добрые примѣры другихъ не оставляютъ въ немъ никакого впечатлѣнія.

Повидимому, странно называть мертвыми такихъ людей, которые не только не мертвы, но и не больны, не только не больны, но еще отличаются крѣпостію здоровья, бодростію, дѣятельностію и веселымъ нравомъ; но и таковые люди нерѣдко бываютъ мертвы. Таковъ былъ и блудный сынъ—бодръ, веселъ, предавался временнымъ радостямъ. Несмотря на это, въ св. Евангеліи онъ называется мертвымъ: *мертвъ бл* (Лук. 15. 32),—говоритъ св. Евангеліе о блудномъ сынѣ. Смерть его состояла въ развращеніи сердца, отъ котораго происходили всѣ грѣховныя его дѣла.

Откуда же происходитъ такое жалкое разстройство и такое несчастное расслабленіе души? Смерть души происходитъ отъ грѣха, отъ недостатка любви къ Богу, отъ удаленія отъ Бога. Гдѣ удаленіе отъ Бога, тамъ по необходимости бываетъ мракъ въ душѣ и нравственное расслабленіе. Душа есть источникъ жизни тѣла, а Богъ есть источникъ жизни души. Душа есть источникъ крѣпости тѣла, а Богъ есть источникъ крѣпости души. По разлученіи души отъ тѣла тѣло—мертво, безсильно; такъ и по удаленіи Бога отъ души душа становится нравственно слабою, мертвою.

Въ это время удаляется отъ души благодатный свѣтъ, благодатная крѣпость, благодатная сила, влекущая къ добру. Въмѣсто сего на умъ находятъ омраченіе или равнодушіе, холодное къ вѣдѣнію закона Божія или знающее его только для другихъ, а не для себя. Въ сердцѣ рождается необузданная склонность къ злу, худыя желанія возникаютъ въ человѣкѣ противъ воли его; худыя мысли налетаютъ на душу подобно неожиданнымъ облакамъ. Человѣкъ дѣлается плѣнникомъ грѣха, мертвецомъ.

Мертвецъ не можетъ дѣйствовать по своей волѣ: такъ и душа, не имѣющая въ себѣ Бога, не можетъ, безъ особенной милости Божіей, не только дѣйствовать сообразно святому своему происхожденію, но не можетъ и подумать о покаяніи, о молитвѣ и о прочихъ подвигахъ, нужныхъ для добродѣтельной и святой жизни. Вотъ какъ ужасно состояніе человѣка, удаленнаго отъ Бога, причиняющее смерть душѣ!

Поспѣшимъ же, доколѣ еще врата милосердія Божія для насъ не затворены, воскресить души наши!

* * *

ОВОЛЬНО насъ томила злоба —
Не будь же золь и нелюдимъ!..
Судьбой измученные оба,
Другъ другу руки подадимъ..

И будемъ счастливы до гроба:
Душѣ покой необходимъ!..

Викторъ Коломенскій.

Помощь нуждающимся въ древнія времена христіанства.

II.

 СЛИ первые три вѣка христіанства отличались идеальной чистотою чувствъ и возвышенныхъ помысловъ въ области благотворенія немущимъ, то въ послѣдующіе вѣка, когда побѣда христіанства выразилась уже вполне ясно и вполне определенно, къ заботамъ о помощи немущимъ стало приписываться чувство эгоизма, во многихъ случаяхъ способствовавшее развитію больше показной стороны дѣла благотворенія, чѣмъ самаго его существа. Благодаря быстрымъ успѣхамъ христіанства, язычество все болѣе и болѣе стало терять свое достоинство въ глазахъ мѣстнаго общества, причемъ явилось немало людей, которые стали вступать въ ряды христіанства не ради убѣжденія или внутренняго чувства влеченія а просто изъ моды: если въ предшествовавшіе три вѣка христіанства считалось позорнымъ и даже преступнымъ переходить въ ряды христіанъ, то въ послѣдующее время, при господствѣ христіанства, оставаться язычникомъ признавалось позорнымъ, почему каждый стремился сдѣлаться христіаниномъ.

Ничего поэтому нѣтъ удивительнаго въ томъ, что въ это время, по выраженію нѣкоторыхъ отцовъ церкви, явилось немало христіанъ, которые въ сущности были язычниками: вступая въ нѣдры христіанской церкви, они сохраняли полностью всѣ тѣ привычки, какими они обладали въ язычествѣ.

Явились „жестокосердные христіане-богачи“, которые, — по выраженію св. Амвросія Медиоланскаго, — украшая стѣнки храмовъ и домовъ различными мозаиками (событія изъ жизни и дѣятельности самаго Христа и Его апостоловъ), оставляли раздѣльными бѣдниковъ и, предаваясь увеселеніямъ, думали о своихъ собакахъ и лошадяхъ болѣе, чѣмъ о своихъ братьяхъ христіанахъ.

Такіе богачи, по словамъ отцовъ церкви, исповѣдывая христіанскую вѣру, создавали вѣру мертвую, и огонь „любви погасъ“.

Было бы, однако, большою ошибкою думать, что въ этотъ періодъ христіанства церковь, какъ собраніе вѣрующіхъ, не располагала такими представителями, которые вполне были достойны носить имя „христіанъ“. Добродѣтели въ церкви умалились, но они отнюдь не исчезли.

Замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что въ этотъ періодъ христіанства не только изболѣе дѣятельными благотворителями являются сами пастыри церкви, но обосновывая свою дѣятельность помощи нуждающимся на такихъ принципахъ, какіе затѣмъ, въ болѣе позднія времена христіанства, приобретаютъ новое значеніе.

Такъ, епископъ Акакій Амасійскій, выкупаетъ семь тысячъ персовъ, которые были захвачены римскою

арміею, и средства для этого онъ добываетъ, расплавляя золотые и серебряные сосуды, принадлежавшіе церкви.

„Богъ нашъ.—замѣчаетъ Акакій Амасійскій,—не ѣстъ, не пьетъ, а потому не нуждается въ сосудахъ, но зато Онъ нуждается въ оказаніи помощи ближнему“.

По словамъ св. Златоуста, жертвы не могутъ быть приятны Христу, когда жертвенникъ Его будетъ покрытъ дорогими сосудами, а самъ Онъ будетъ алчущимъ и жаждущимъ. „Въ лицѣ нищихъ напитайте сердце Его, алчущаго и жаждущаго, и затѣмъ, если останутся средства, украшайте жертвенникъ“.

Епископъ Атикъ, посылая пресвитеру Пикейской церкви 300 золотыхъ монетъ для раздачи пострадавшимъ отъ голода, въ своемъ посланіи замѣчаетъ:

„Когда будешь раздавать монеты, не обращай вниманія на вѣроисповѣданіе, но имѣй въ виду только одно—напитать алчущихъ, не разбирая—по нашему ли они мыслятъ, или нѣтъ!“

Римскій пана Левъ замѣчаетъ:

„Прежде всего мы должны помогать нашимъ братьямъ по вѣрѣ, но и невѣрующіе не должны лишаться нашей помощи. Ближній, котораго намъ заповѣдано любить,—это всѣ люди“.

Отцы церкви, видя полное равнодушіе богатыхъ удѣлять часть своихъ богатствъ на пользу бѣдныхъ немущихъ и страждущихъ, пришли въ своихъ рѣчахъ и проповѣдяхъ къ такимъ выводамъ, какіе по своимъ оригинальностямъ заслуживаютъ того, чтобы о нихъ упомянуть болѣе подробно...

Въ одной изъ своихъ рѣчей св. Амвросій Медиоланскій замѣчаетъ:

„Примѣръ птицъ небесныхъ, приводимый въ Евангеліи, показываетъ, что единственная причина бѣдности—это скупость, ибо, если птицы небесныя не сѣютъ, не жнутъ и, тѣмъ не менѣе, имѣютъ все въ изобиліи, что имъ нужно для существованія, то это потому, что ни одна изъ нихъ не присваиваетъ себѣ плодовъ, назначенныхъ для всѣхъ“.

По мнѣнію того же пастыря церкви, присвоя земныя блага исключительно себѣ, мы тѣмъ самымъ разрушаемъ *благо общее*. „Земля дана всѣмъ людямъ въ общее пользованіе, и никто не можетъ считать себя собственникомъ того, что онъ наспіемъ отторгъ отъ общаго достоянія, кромѣ того, что нужно ему для жизни... Природа создала право общаго владѣнія, а злоупотребленіе, захватъ создали право частное“.

Подобный, вполне коммунистическій взглядъ, отцовъ церкви на собственность представляетъ собою вполне послѣдовательное развитіе господствовавшихъ въ то время взглядовъ на природу вообще и на отношеніе всего существующаго къ Богу, какъ Творцу этого послѣдняго: согласно господствовавшимъ въ то время взглядамъ, земля и все, что находится на ней, принадлежитъ Богу. Отсюда—богачъ есть только управитель ввѣренныхъ ему благъ съ извѣстнымъ назначе-

нѣмъ. Онъ получаетъ отъ Бога эти блага не только для своей пользы, но и для пользы своихъ братій; поэтому, если одинъ пользуется благами, назначенными и для другихъ, то онъ преступаетъ свою обязанность въ отношеніи къ Богу. Такъ же точно, какъ преступаетъ свою обязанность по отношенію къ своему господину вѣроломный правитель, удерживающій у себя деньги, полученныя для раздачи другимъ: „это воровство, но воровство, какъ преступленіе противъ закона божескаго, а не человѣческаго“.

Распространеніе отцами церкви подобныхъ взглядовъ на собственность, главнымъ образомъ, было вызываемо желаніемъ увеличить со стороны богачей размѣры пожертвованій въ пользу бѣдныхъ и немущихъ, такъ какъ размѣры благотворительности стали замѣтно слабѣть.

Наряду съ распространеніемъ взгляда на богатство, какъ на временное пользованіе собственностью, принадлежащею Богу, нѣкоторые изъ проповѣдниковъ этого періода стали распространять иныя, совершенно противоположныя воззрѣнія на собственность. Согласно такимъ воззрѣніямъ, подавая милостыню (расходуя часть своей собственности), мы дѣлаемъ заемъ Богу, который всегда возвращаетъ подобный долгъ съ лихвою... *) По этому предмету въ одной изъ проповѣдей блаженнаго Августина приводятся слѣдующія слова отъ имени Господа, призывающаго христіанина къ благотворенію:

„Ты,—говоритъ Господь человѣку, читаемъ мы у Августина, —даешь Миѣ мало, но Я заплачу тебѣ много. Ты даешь Миѣ предметы земные, Я же вознагражу тебя предметами небесными Помѣщая свои деньги на небесахъ, довѣрай ихъ Богу. Богъ хочетъ имѣть тебя своимъ кредиторомъ...“

Другой проповѣдникъ (Сальвианъ Марсельскій) развивалъ подобную идею до того, что утверждалъ возможность путемъ благотворенія приобрести царство небесное, и безъ опасенія убытка, потому что Богъ — *надежный воздаятель*.

Распространяя столь утилитарный взглядъ на дѣло благотворенія, отцы церкви и проповѣдники имѣли въ виду единую цѣль—побѣдить ту скудость и ту скарденность, которая стала обнаруживаться среди христіанъ въ сферѣ пожертвованій на дѣла благотворенія. Правда, при господствѣ такихъ взглядовъ, какъ то совершенно справедливо замѣчаетъ А. С. Лебедевъ, бѣднякъ для богача становился не объектомъ любви, а объектомъ выгодной купли, тѣмъ не менѣе помощь бѣднымъ и немущимъ заботами и попеченіями церкви была сохранена и обезпечена на нѣсколько вѣковъ.

Такимъ образомъ, если въ первые три вѣка христіанства благотворительность являлась естественнымъ результатомъ той любви къ ближнему, которая приносила

*) Проф. Лебедевъ замѣчаетъ, что при такихъ воззрѣніяхъ мы, несомнѣнно, могли бы очень выгодно помѣщать наши капиталы на небесахъ.

всякому человѣку, то, въ послѣдующіе вѣка, та же христіанская благотворительность для своего проявленія принуждена была воспользоваться тѣми чувствами любви человѣка къ самому себѣ, къ своимъ слабостямъ и недостаткамъ, которые, въ равной степени, служили и будутъ служить серьезными побудителями къ проявленію заботъ и попеченій о ближнихъ.

Въ этомъ отношеніи проявленіе любви къ ближнему, проявленіе, служащее основаніемъ всѣхъ формъ благотворенія, какъ въ первые вѣка христіанства, такъ и во всѣ послѣдующія времена, всегда было и будетъ обосновываемо не только на совершенно безкорыстной любви къ ближнимъ, но и на тѣхъ чувствахъ, которыя заключаютъ въ себѣ нѣчто эгоистическое. Справедливость такого положенія вполне подтверждается фактами изъ исторіи христіанской благотворительности, не малое число коихъ читатель можетъ встрѣтить въ трудѣ А. С. Лебедева.

Ив. Ос. Фесенко.

Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ путевого впечатлѣній.

Посвящается В. Н. П.

Въ помню тихую обитель...
Прекрасный, теплый лѣтній день,
Рядъ бѣлыхъ келій монастырскихъ,
Вокругъ садовъ цвѣтущихъ тѣнь.

Близъ самыхъ вратъ широкой гладью
Рѣка «Великая» течетъ,
Холмистый берегъ омывая
Струями чистыхъ, свѣтлыхъ водъ.

Какой-то вѣгъ благодатью!..
Царить святая тишина...
Но то не сонъ, о, нѣтъ, повсюду
Работа инокинъ видна...

Во храмѣ тихое моленье,
А въ мастерскихъ обычный трудъ,
Съ молитвой, мирно, неустанно
Всѣ «послушанія» несутъ...

А мы въ привѣтной свѣтлой кельѣ,
Большимъ путемъ отмылены,
Душой и тѣломъ отдыхаемъ,
Благоговѣнія полны...

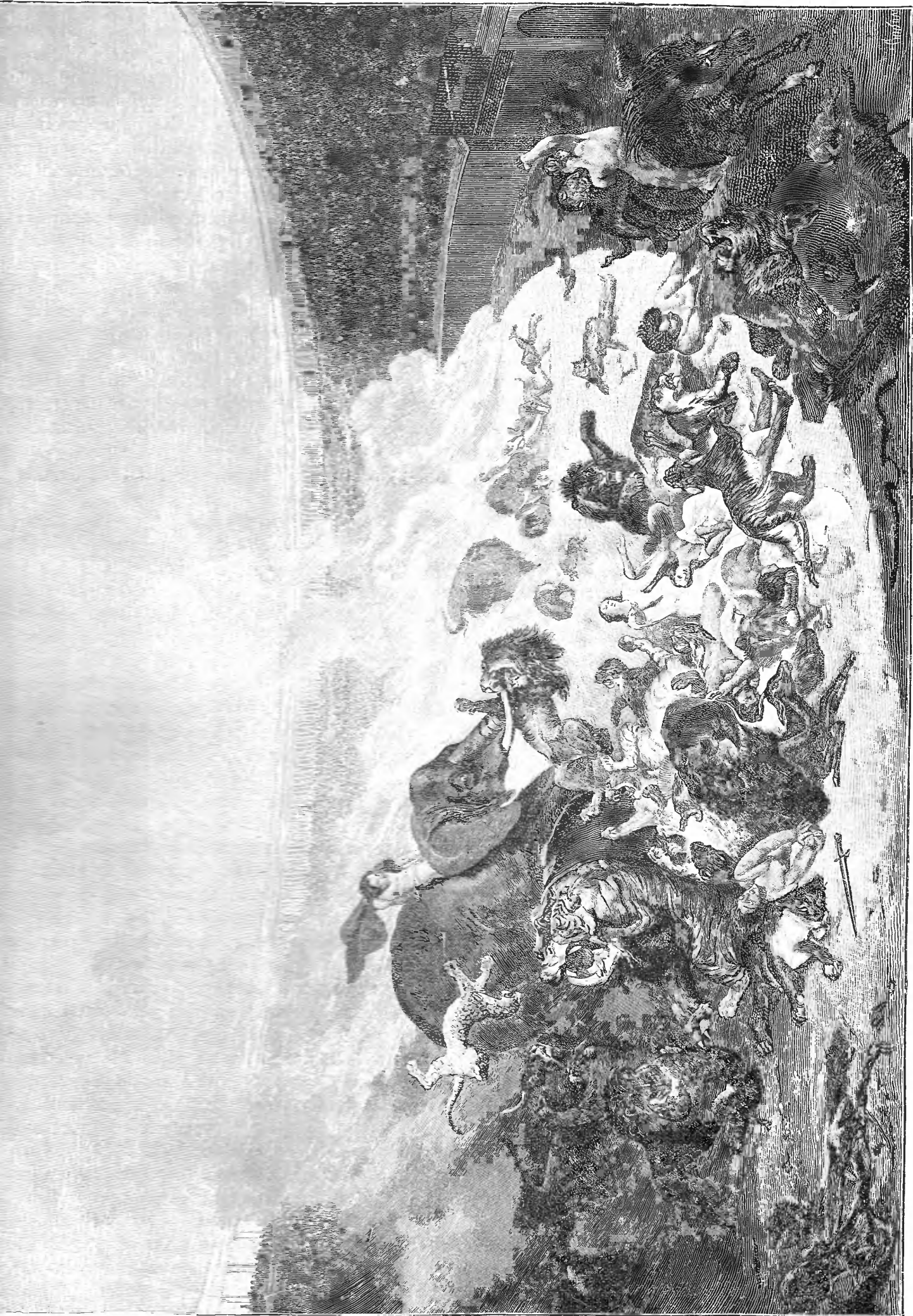
Стоять открыты настежь окна,
Въ нихъ виденъ намъ небесный сводъ,
Цвѣтущій садикъ монастырскій
Благоуханье въ окна льетъ.

Въ лазурной выси рѣютъ птички...
Подъ дуновеньемъ вѣтерка,
Какъ бы разбужены отъ дремы,
Цвѣты колышутся слегка...

Тепло на сердцѣ... безмятежно!
Монастыря святая тишь,
О, какъ ты много, какъ отрадно,
Душѣ усталой говоришь!

Псковъ,
Ивановскій жен. монастырь.

Ел. Львова.

ВЪ РИМСКОМЪ ЦИРКѢ.
(Съ картины худ. Дитриха).

Гдѣ вы, христіане? *)

„Если вы искренно врагъ смертной казни, то не показывайте читателю картины повѣшенія человѣка, не говорите о судорогахъ казнимаго на висѣлицѣ. Но вы смакуете картину этой гнусной казни; въ такомъ случаѣ ясно, что вы въ глубинѣ вашей души—убійца и висѣльщикъ.“

ВЕДОБРОЕ дѣло — „развлекать“ взоры людей кровью и висѣлицей. Это значитъ будить въ зрителѣ не человѣка, а звѣря. Страшно, если этотъ звѣрь проснется!

Тогда не будетъ пощадены ни виноватымъ, ни правымъ. Всѣ, кто слабъ, беззащитенъ и въ то же время представляетъ мало-мальски лакомый кусокъ,—сдѣлаются жертвами ненасытной кровожадности.

Мысль—очень глубокая, и уже одно то, что ее высказываетъ патентованный знатокъ человѣческой души—пзвѣстный кievскій психіатръ П. А. Сикорскій,—должно обратить на себя серьезное вниманіе всякаго русскаго человѣка.

Къ сожалѣнію, въ настоящее время картины висѣлицъ, растерзанныхъ кусковъ человѣческаго тѣла, кровавыя пятна и,—можно сказать,—цѣлыя лужи человѣческой крови—именно „смакуются“. Кажется, безъ исключенія всѣ изданія, поставившія своей задачей „развлекать“ читателей, не находятъ ничего болѣе подходящаго для этихъ развлеченій,—какъ висѣлица, кровь, увѣчье и т. п. Вырвавшись изъ-подъ гнета стараго режима, люди метаятъ и собираются мстить за кровь, судороги и „безкровныя“ страданія. Но кому? Неужели только приспѣшникамъ этого стараго режима? Не страдаютъ ли теперь и не пострадаютъ ли въ будущемъ и его безспорные враги?

Но кто бы ни страдалъ, мечь не должна гнѣздиться въ нашемъ сердцѣ. Мстители обязательно „упьются“ кровью, и этого достаточно, чтобы рѣшились выступить на борьбу съ ними подъ лозунгомъ: мръ и прощеніе!

Горе, если разбушевавшаяся толпа станетъ вознаграждать себя за страданія того прошлаго, когда было до царя далеко, а до Бога высоко! „Горе, если она начнетъ сводить счеты по принципу: „око за око, зубъ за зубъ!“ Уже и самъ по себѣ этотъ расчетъ страшенъ, но еще болѣе страшно, что подобнаго рода „равновѣсія“ не можетъ поддержать никакая сила и проснувшійся звѣрь не будетъ знать никакихъ преѣловъ своей кровожадности...

Откровенно говоря, не знаешь, кто больше „смакуетъ“ тѣ страшныя картины, о которыхъ говоритъ очтенный профессоръ: тѣ ли патріоты, которые только сжались съ рабствомъ, что со слезами на глазахъ лизаютъ упавшія рабскія цѣпи и составляютъ священные союзы“ ради самодержавія, или тѣ сыны свободы, которые, вырвавшись изъ рабскихъ оковъ, меч-

таютъ мстить какъ своимъ бывшимъ поработителямъ, такъ и тѣмъ друзьямъ свободы, которые боятся разбудить звѣря и рѣшительно заявляютъ, что свободное гражданство не дастъ права сворачивать голову любому встрѣчному. Но суть дѣла не въ этомъ. Всего важнѣе то, что насиліе, съ какой бы стороны оно ни проявлялось, грозитъ страшнымъ бѣдствіемъ Россіи. Плохую услугу окажутъ родниѣ тѣ патріоты, которые думаютъ послужить ей организаціей побойцъ въ надеждѣ возстановить (несбыточная мечта!) прежній самодержавный строй; но не добромъ помянетъ Россія и тѣхъ, которые мечтаютъ пройти по ней съ „огнемъ, мечомъ и пожаромъ“ и не оставятъ камня на камнѣ отъ всего, что напоминаетъ о быломъ ненавистномъ порядкѣ.

Никто не можетъ сказать, какія еще напасти обрушатся на насъ, если мы пойдѣмъ по пути анархіи и самоистребленія. Невольно, однакожь, припоминаются слова апостола: „Если вы другъ друга угрызаете и съѣдаете, то берегитесь, чтобы вы не были истреблены другъ другомъ“ (Гал. V. 15).

Отъ постояннаго кровопролитія не ждатель добра! Этотъ путь можетъ не только окончательно разорить Россію, но и стереть съ лица земли ея самостоятельное существованіе. Но если бы насъ впереди ждали даже всѣ блага міра сего,—и въ такомъ случаѣ преступно идти къ нимъ черезъ трупы ни въ чемъ неповинныхъ страдальцевъ. Это значило бы дѣлать то же, что дѣлали приспѣшники стараго порядка. Человѣческая жизнь—святыня, и посягать на нее для каждаго христіанина—величайшее преступленіе.

Современная жизнь является строгимъ экзаменомъ нашей христіанственности. Этотъ экзаменъ долженъ показать, насколько глубоко мы прониклись евангельскимъ ученіемъ любви и мира.

Къ ужасу приходится засвидѣтельствовать, что мы носили христіанство на устахъ и не вмѣли его въ сердцѣ, не были „богоносцами“, хотя и твердили о Руси „святой“ и „православной“. Какъ будто Христу нужна показная или даже лицемѣрная святость, которая не проявляетъ себя въ жизни!

Христіанинъ не тотъ, кто называетъ себя этимъ священнымъ именемъ, а тотъ, кто живетъ по-христіански. Кто не христіанинъ въ жизни, тотъ не христіанинъ („нехристь“) и въ сердцѣ, а христіанство на устахъ—только обманъ Бога и людей. „Не вѣмъ васъ“—говоритъ Господь всѣмъ такимъ христіанамъ...

Величайшее бѣдствіе для нашего русскаго, историческаго, христіанства—въ томъ, что оно было приязано къ самодержавному строю, настолько, что православіе (которое по существу значитъ не что иное, какъ истинное христіанство) полагалось въ признаніи только опредѣленнаго государственнаго порядка; и—къ несчастію—именно такого, который въ дѣйствительности представлялся наиболѣе благопріятнымъ для арушенія Христовой правды, такъ какъ обрекалъ

*) Изъ газеты «Слово».

народъ, кор: и тѣца страны, на ницету и безправіе и давалъ всѣ блага міра въ руки тѣхъ, которые рождались для того, чтобы жить чужимъ трудомъ... Теперь представители церкви заявили, что ни съ какой государственной формой церковь не связана, что можно быть православнымъ христіаниномъ и при самодержавіи, и при конституціи, и при республикѣ.

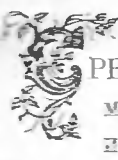
Заявленіе очень запоздало, и это запозданіе очень гибельно отозвалось не только въ дѣлахъ государственныхъ, но и въ дѣлахъ церковныхъ. Если бы представители церкви не боялись открыто заявлять это и раньше; если бы они говорили, что неограниченный волею народа произволъ правителей противорѣчить евангельской правдѣ, такъ какъ заставляетъ страдать народъ; если бы они защищали „трудящихся и обремененныхъ“, а не „сильныхъ міра сего“, — тогда не было бы тѣхъ ужасовъ, отъ которыхъ теперь содрогается Россія...

Гдѣ Христосъ, тамъ нѣтъ неправды, нѣтъ человѣконенавистничества, нѣтъ грабежей и побойщъ... А наше православіе было покладисто на уступки и мирилось со всякимъ беззаконіемъ, такъ какъ правители церкви уже давно порвали связь съ народомъ, и народнаго бѣдствія нисколько не касались ихъ благополучія...

И оказалось, что въ святой православной (то-есть, повторяемъ, истинно-христіанской) церкви на святой православной Руси нашлось не мало христіанъ, которые „смакують“ картинѣ судорогъ и вѣщницъ.

Гдѣ же вы, святые православные христіане? И. О.

О борьбѣ съ неправдой.

РЕДИ многочисленныхъ наставленій, предлагаемыхъ въ настоящее время русскому народу изъ-подъ „христіанскаго флага“, — слышится немало голосовъ, которые въ существѣ дѣла говорятъ только о томъ, что христіанствъ долженъ опустить руки, сомкнуть уста и не двигаясь съ мѣста, только предаваться надеждѣ, что вся неправда міра будетъ побѣждена вѣрой.

Но, справедлива ли такая мысль по существу?

Намъ гадать нечего: этотъ вопросъ рѣшила исторія христіанской церкви. Мы знаемъ, что апостолы и мученики, которые своей вѣрой двигали не только горы, — ебъ, больше — которые своей вѣрой перевернули всю греко-римскую, можно сказать: *всемірную*, имперію, — всѣ эти побѣдители не прибѣгали ни къ мечамъ, ни къ дрекольямъ. Но они не только *отрикли*, но и *жили* по-христіански. А живя по-христіански, они уже не могли оставаться (и дѣйствительно не оставались) какъ бы сторонними зрителями побѣдоноснаго шествія вѣры Христовой по вселенной. Они сами принимали участіе и въ борьбѣ со зломъ, и въ

побѣдахъ надъ нимъ. Сначала іудейскіе первосвященники, а потомъ вся римская власть ставили имъ препятствія на каждомъ шагу, но *они боролись съ этими препятствіями*. Имъ запрещали проповѣдывать Христа — они проповѣдывали: имъ запрещали собираться для молитвы — они собирались; имъ запрещали составлять свою христіанскую общину — они стояли за нее всѣмъ сердцемъ, такъ какъ эта община (церковь) воплощала въ себѣ величайшій завѣтъ Христа — завѣтъ любви — особенно на св. „вечеряхъ Христовыхъ“ (агапы). И чѣмъ больше было у нихъ препятствій, тѣмъ больше они боролись.

Меча и крови церковь въ древности не знала — и дай Богъ, чтобы она никогда не знала этого ужаса! Изъ конца IV вѣка — даже почти черезъ 400 лѣтъ послѣ Христа — мы знаемъ, что одинъ соборъ (въ Эльвирѣ) постановилъ налагать эпитимію на всякаго судію, если бы даже онъ въ полномъ согласіи съ закономъ приеудилъ кого-нибудь къ смертной казни (пр. 51). Изъ того же и предыдущаго вѣка мы знаемъ, что многіе христіане отказывались проливать кровь на войнѣ. Если это было уже въ III—IV вв., то что же было въ церкви первенствующей! Тогда церковь не была податлива на то, чтобы во всемъ рабски исполнять требованіе принудительной силы, которая нѣрѣдко зло называетъ добромъ, а добро зломъ.

Мечъ даже въ случаѣ „нужды“ (говоря языкомъ „міра, во злѣ лежащаго“) — это уже сдѣлка съ христіанской совѣстью, это уже только выборъ меньшаго зла изъ большаго.

Къ сожалѣнію, вопросъ о томъ, гдѣ зло „большее“ и гдѣ „меньшее“ — люди могутъ рѣшать не по христіанской совѣсти, а по сложившимся ложнымъ традиціямъ. Напримѣръ, сильное государство хочетъ завоевать сосѣда, и убійство жителей этого сосѣдняго государства христіане объявляютъ якобы дозволеннымъ, даже подвигомъ „за отечество и за други своя“, а если это государство языческое, то еще подвигомъ „за крестъ и вѣру“. Величайшій грѣхъ (убійство изъ-за жадности) такимъ образомъ возводится на степень высокой христіанской добродѣтели. А вотъ если народъ поднимается противъ своихъ поработителей, хотя и безъ мечей и безъ кровопролитія, поднимается для того, чтобы спасти тысячи братьевъ отъ голодной смерти и прекратить вопіющую неправду и беззаконіе, — ихъ мирный протестъ (хотя, безспорно, въ большинствѣ съ не христіанскими чувствами) объявляется величайшимъ злодѣйствомъ.

Неужели же эта человѣческая оцѣнка правды Божіей совпадаетъ съ оцѣнкой Христовой?

Не могу при этомъ забыть двухъ-трехъ строчекъ, которыя мнѣ пришлось прочесть въ письмѣ одного моего учителя, пастыря-священника, прожывающаго теперь уже на покой, вдали отъ сутолоки міра:

„Если бы, — писалъ онъ, — въ мое сердце запала мысль, что эти преступленія, которыя благословляются

Послы Ермака предъ царемъ Иоанномъ Грознымъ.
(Съ картины художн. Раствороваго.—Изъ статьи: „Нежданная радость“).

уносило ее за предѣлы развращеннаго Рима, въ далекую неизвѣстную Галилею; „къ Нему, къ Нему, за утѣшеніемъ“, — немолчно, неустанно шепталь ей чей-то чудный, таинственный голосъ.

Стоялъ прекрасный теплый день. Въ высокой, необозримой лазури не скользило ни одного облачка. Воздухъ былъ чистъ и прозраченъ. Солнце привѣтливо смотрѣло на землю, заливая все своими ослѣпительными золотыми лучами. Въ этотъ день на главной улицѣ Иерихона происходило большое оживленіе. Тамъ проходилъ Исусъ Назарянинъ, за которымъ слѣдовала толпа народа. Всѣ стремились за Нимъ; одни съ твердой надеждою на исцѣленіе, другіе съ горячимъ желаніемъ послушать Его вдохновенное слово.

Въ сторонѣ отъ дороги, по которой слѣдовало Ему проходить, подъ сѣнью большого дерева стояли двѣ молодыя женщины, которыя жадно слѣдили за медленно приближавшейся къ нимъ толпой. Вотъ Онъ свернулъ съ дороги, по которой шель, и направился прямо къ дереву, подъ которымъ онѣ стояли. Дыханье ихъ замерло, онѣ превратились все въ одно ожиданіе. Еще минута, и Онъ приблизился и устремилъ на нихъ Свои дивные, сіяющіе огнемъ неземной благодати очи.

Люцилла затрепетала.

— Учитель, помоги мнѣ!—вдругъ громко воскликнула она и съ нервнымъ, давно уже накопившимъ рыданіемъ упала къ Его ногамъ.

Жгучія слезы неудержимо лились по ея смуглому, красному лицу и свѣтлыми жемчужинами падали на складки ея бѣлой тунники.

А Онъ? Онъ попрежнему все стоялъ и смотрѣлъ на нее, какъ бы давая ей время до конца излить передъ Нимъ всю свою скорбь, всю горечь своихъ тяжелыхъ страданій. Но, вотъ, наконецъ, Онъ тихо склонился надъ ней и, коснувшись рукою ея плеча, кротко провѣщалъ:

— Будетъ тебѣ по великой вѣрѣ твоей; не скорби, утѣшься. Отнынѣ всегда и вездѣ Я буду съ тобой...

И Онъ отошелъ въ сторону...

Люцилла поднялась. Въ большихъ черныхъ глазахъ ея еще сверкали крупныя слезы, но это были уже другія, это были легкія отрадныя слезы. Властный и вмѣстѣ съ тѣмъ полный неизреченнаго милосердія взглядъ Галилейскаго Учителя заглянулъ въ самую глубинну, проникъ во всѣ сокровенныя тайники ея страдающей души, и вотъ, подъ дѣйствіемъ Его могучей неотразимой силы снишелъ на нее желанный, богатый миръ. Все въ одинъ мигъ какъ бы радостно streпенулось въ ней, какъ бы воскресло для новой жизни, для новаго лучшаго неизвѣдашаго еще ея счастья.

Толпа уже удалилась, все стихло, а она по-прежнему все еще стояла и смотрѣла вездѣ Учителя...

Наступило царствованіе римскаго императора Нерона. Христіанъ подвергали страшнымъ пыткамъ. Ихъ распинали на крестахъ, обливали кипящей смолой, росали на растерзаніе дикимъ звѣрямъ.

Въ одинъ поздній вечеръ, утомившись безумными, развращенными оргіями и чувствуя легкое нездоровье, императоръ находился въ своей опочивальнѣ. Вдругъ онъ сдѣлалъ быстрое, нетерпѣливое движеніе, и отвратительная улыбка мелькнула на его устахъ.

— Позови ко мнѣ Корвинія!—приказаль онъ рабу.

Черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ показался молодой уже человекъ. Это былъ Корвиній, начальникъ императорской охранной стражи. Онъ подошелъ къ императору и, низко поклонившись ему, остановился, ожидая приказаній. Неронъ лѣниво приподнялся на своемъ ложѣ.

— Корвиній,—заговорилъ онъ,—о какомъ важномъ открытіи ты намекнулъ мнѣ вчера во время пира?.. Въ чемъ дѣло?

— Государь,—подобострастно началъ Корвиній,—я, какъ вѣрный твой слуга, считаю долгомъ предупредить тебя, что въ Римѣ находится одна женщина высокаго происхожденія, которая исповѣдуетъ имя Распятата и съ большимъ успѣхомъ вмѣстѣ со своей рабыней распространяетъ это вредное ученіе; ея роскошная вилла служитъ убѣжищемъ цѣлому обществу этихъ презрѣнныхъ и низкихъ тварей, именующихся христіанами.

— Кто она?

— Вдова богатаго патриція, умершаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ; имя ей Люцилла, она имѣетъ дочь, мужъ которой также христіанинъ, занимающій высокую должность.

На слѣдующій день Люцилла была передъ императоромъ и на его угрозы отвѣтила:

— Кесарь! Когда-то и я поклонялась этимъ богамъ, когда-то и я вѣрила въ нихъ, но потомъ, увидя Его, я убѣдилась въ полнѣйшемъ ихъ ничтожествѣ и познала, что Онъ, одинъ лишь только Онъ, есть истинный, всемогущій Богъ. Никто и ничто не можетъ убить во мнѣ вѣры въ моего возлюбленнаго Учителя и Господа...

Лицо Нерона покрылось багровыми пятнами и, задыхаясь отъ злобы, онъ велѣлъ бросить исповѣдницу въ темницу.

Долго не могъ уснуть Корвиній. Сидя у открытаго окна, онъ не отрывалъ своего лихорадочно, блестящаго взгляда отъ видѣвшагося вдали обширнаго, мрачнаго зданія темницы; онъ жадно смотрѣлъ въ эту даль, и картины былого, далекаго, невозвратнаго живой вереницею проходили передъ нимъ, смѣняя одна другую. Вотъ онъ, молодой, красивый, любимый и уважаемый всѣми. Передъ нимъ—широкій, свѣтлый усыпанный розами путь. Все радостно улыбается вокругъ, все сулитъ ему безоблачное, нескончаемое счастье. Но вотъ картина мѣняется. Онъ видитъ себя у ногъ красавицы Люциллы. Но она христіанка и отклоняетъ его предложеніе. Одинокій онъ стоитъ у могилы своихъ завѣтныхъ несбывшихся желаній, надъ осколками своихъ разбитыхъ, погибшихъ надеждъ, и въ его груди ютится дикая жажда, грозной, безпощадной мести.

— Да, наконецъ-то, наступило это желанное мщеніе; за отвергнутую когда-то любовь ты заплатишь дорогой цѣной!..

На востокѣ показалась уже алая полоска, признакъ приближающагося утра. Природа начинала уже по-темному просыпаться, но Корвинъ все еще не спалъ. Сердце его билось радостнымъ ожиданіемъ предстоявшей мести.

Наступилъ теплый ясный день. Съ самаго ранняго утра по улицамъ, ведущимъ къ Колизею, замѣтно было громадное оживленіе. Всѣ спѣшили въ циркъ по случаю назначеннаго тамъ кроваваго развлечения. Послѣ боя гладіаторовъ тихо, беззвучно открылись громадныя тяжелыя ворота, и изъ-подъ глубокаго темнаго свода одинъ за другимъ стали выходить осужденные. Въ числѣ ихъ находилась и Люцилла. Въ нѣмомъ благоговѣніи скрестила она на груди свои блѣдныя тонкія руки, и невыразимый восторгъ наполнялъ все ея существо. Она ощущала въ своей груди присутствіе могучей, неотразимой силы, которая поможетъ ей побѣдить все земное, и на крыльяхъ которой унесется она туда, высоко, въ царство вѣчной правды и свѣта, въ царство своего возлюбленнаго Учителя и Господа. Она уже и теперь видѣла Его передъ собою, слышала Его полный любви и дивнаго привѣта голосъ, вѣщавшій ей: „Держай избранница моя, и не бойся, Я съ тобою, Я смотрю на подвигъ твой, и готовлю тебѣ за него славный вѣнецъ мученичества“...

Е. Баясникова.

ПОПЪ АНГЕЛКА.

(Изъ болгарскихъ воспоминаній.)

ТО было вскоре послѣ русско-турецкой войны. Я долженъ былъ ѣхать въ Болгарію. Путешествіе предстояло долгое и трудное.

Въ Одессѣ я сѣлъ на пароходъ „Черноморскаго флота“, испытать сильнѣйшую качку на Черномъ морѣ, проѣхалъ Дунай на нѣмецкомъ пароходѣ до Рени, потомъ переѣхалъ Балканы въ каруцѣ, запряженной волами, и въ жаркій июльскій полдень подѣхалъ къ Ломъ-Палапкѣ.

Дороги настоящей тогда еще не было, и переѣздъ черезъ Балканы на волахъ былъ очень тяжелъ и затруднителенъ.

По обѣимъ сторонамъ узкой гористой дороги зіяли пропасти. Одно неосторожное движеніе—и мы рисковали свалиться внизъ и разбиться вдребезги. Волы съ трудомъ поднимались все выше и выше.

На одномъ, особенно крутомъ подъемѣ, я вышелъ изъ каруцы и оглянулся вокругъ себя. Дивная картина! Я стоялъ на высокой точкѣ Балканскаго кряжа. Подъ моими ногами разстилалась необозримая равнина, пересѣкаемая синей лентой великаго Дуная. Лѣса, кустарники, озера, болота, низменные луговья пространства—все это виднѣлось внизу подъ ногами, а

надъ головой такъ близко сіяло яркое синее восточное небо. Вдали, на окраинахъ равнины, бѣлѣли домики деревушекъ, блестѣли купола полуразрушенныхъ церквей... Въ довершеніе всего мнѣ пришлось испытать грозу на вершинѣ Балканъ. Откуда-то набѣжала черная, зловѣщая тучка... Грянулъ громъ... Волы упали на колѣни. Возница мой, болгаринъ, съ видомъ равнодушной покорности, слѣзъ со своего мѣста и принялся поднимать воловъ. Яркая молнія почти ослѣпила насъ. Удары грома разрѣжались ежеминутно съ такой силой, что я боялся оглохнуть. Казалось горы дрожали и колебались около насъ.

Потомъ начался такой ливень, о которомъ, мы, на нашемъ сѣверѣ, не имѣемъ ни малѣйшаго понятія.

Крупныя капли дождя лились съ такой силой, словно кто-нибудь опрокинулъ на насъ огромный сосудъ съ водой.

Въ нѣсколько минутъ мы были мокры „до костей“. Когда я подѣхалъ къ Ломъ-Палапкѣ, тучи исчезли и солнце ярко сіяло на небѣ.

Утопающая въ зелени Ломъ-Палапка произвела на меня очень пріятное впечатлѣніе. Я нѣсколько отдохнулъ, досталъ русскій самоваръ, напилъ чаю съ турецкимъ шербетомъ и двинулся дальше на лошадахъ.

Къ вечеру уже я подѣхалъ къ Софіи, гдѣ мнѣ пришлось встрѣтиться и близко познакомиться съ героемъ моего разсказа, о. Ангеломъ, который назывался въ просторѣчій „Попъ Ангелка“.

Пріѣхавъ въ Софію, я увидѣлъ улицы съ полуразрушенными домами, увидѣлъ сожженную мечеть и женщинъ-болгарокъ, которыя по старой привычкѣ выходятъ на улицу съ закрытымъ лицомъ.

Имѣя рекомендательное письмо къ довольно важному лицу среди софійскаго духовенства—попу Тодору, я остановился въ его просторномъ домѣ и прогостилъ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ меня неизмѣнно угощали бараниной въ разныхъ видахъ: баранка съ рисомъ, баранка съ перцемъ, баранка жареная и т. д., турецкимъ кофе въ маленькихъ чашечкахъ и шербетомъ. Потомъ я пошелъ искать себѣ квартиру. Я нашелъ ее въ домѣ о. Ангела.

Это былъ небольшой уютный двухэтажный домикъ, верхъ котораго сдавался внаймы, а внизу жили сами хозяева: о. Ангелъ съ женой и дочерью Марицей. Былъ жаркій день, когда я вошелъ во дворъ, на которомъ росли огромныя старыя деревья, и столкнулся съ самымъ хозяиномъ дома, священникомъ о. Ангеломъ.

— У васъ сдается квартира?—спросилъ я, изумленно оглядывая стоявшую передъ мной маленькую тщедушную фигурку, одѣтую въ бѣлый балахонъ.

— Да, господине!

— Вы о. Ангелъ?

Хозяинъ улыбнулся и кивнулъ головой.

— Попъ Ангелка! Меня такъ здѣсь зовутъ!—произнесъ онъ тонкимъ пріятнымъ голоскомъ.

Когда священникъ улыбнулся, его некрасивое рябое и скулатое лицо словно освѣтилось и похорошѣло. Онъ былъ еще не старъ. Маленькая бородка, похожая на мочалку, окаймляла это худое некрасивое лицо, рѣдкіе волосы были заплетены въ косичку, только ласковые сѣрые глаза смотрѣли спокойно и добродушно.

Въ довершеніе всего о. Ангелъ былъ босъ. Говорилъ онъ по-русски порядочно, изрѣдка вставляя болгарскія и турецкія слова.

— Тука, господине!—произнесъ онъ, указывая мнѣ на деревянную лѣстницу которая вела въ верхній этажъ. Наверху были дѣй чистыя комнаты, уставленные турецкими диванами, и маленькая кухня. Въ окнахъ съ деревяннымъ переплетомъ рамъ, по мѣстному обычаю. стекло не полагалось:

— Сколько же вы хотите за квартиру? — спросилъ я.

— Сколько вамъ, господине, угодно! — отвѣтилъ опять, добродушно улыбаясь, хозяинъ.

Однимъ словомъ, мы быстро уговорились. О. Ангелъ ни за что не хотѣлъ назначить цѣну, и я вынужденъ былъ устроить дѣло, къ общему благополучію.

Съ этого дня началась моя жизнь въ домѣ о. Ангела, къ которому я скоро привыкъ и привязался.

Рѣдкая душа заключалась въ этомъ тщедушномъ тѣлѣ! Неграмотный, необразованный, какъ почти все болгарское духовенство той эпохи, о. Ангелъ былъ удивительнымъ человѣкомъ по своей добротѣ и деликатности.

Съ утра до ночи онъ работалъ, какъ простой крестьянинъ: ѣздилъ на пашню, сѣялъ, пахалъ, косилъ, возилъ навозъ, справлялъ всѣ домашнія дѣла, съ помощью жены и дочери. На священника онъ походилъ мало, если не считать его некренней религіозной горячей вѣры въ Бога и въ Его милосердіе. Но это была наивная вѣра простого человѣка! Какъ онъ служилъ въ церкви — не знаю, да и сомнѣваюсь, служилъ ли, потому что не умѣлъ ни читать, ни писать. Впрочемъ, служба въ Софійской церкви представляла изъ себя что-то ужасное, и когда мнѣ пришлось побывать тамъ два раза, я не зналъ — смѣяться ли мнѣ, или плакать! Какая-то дикая какофонія звуковъ, ревъ, крикъ, и при этомъ безцеремонное гулянье взадъ и впередъ по алтарю.

Я не знаю и не касаюсь о. Ангела, какъ священника, я зналъ и любилъ его, какъ человѣка.

Часто подолгу мы бесѣдовали съ нимъ.

— Много горяшка пережили мы, господине,—говорилъ о. Ангелъ, скорбно качая головой, — разорили, погубили насъ турки. Со слезами молились мы Богу, просили Его помощи, и Онъ, милосердный, послушалъ насъ,—пришелъ великій русскій царь и освободилъ насъ! Взять хоть меня... простой я мужикъ, печеный, а служитель Господа. Что я знаю? Что могу, господине? Молиться отъ сердца да плакать! Только

и всего! И всѣ мы такіе попы, неученые, простые! Гдѣ было учиться? Разбой, пожары у насъ! Сколько людей погибло! Сколько крови пролито! А слезъ-то, что матери-болгарки да жены наши, да дочери пролили! Коли собрать ихъ, такъ всю страну затопить можно!

— А любите вы русскихъ, о. Ангелъ?

— Я, господине, отъ сердца скажу. Люблю русскаго солдата Выносливый онъ, терпѣливый. Кровью русской полита наша родина, близка намъ Русь! Всѣ мы должны любить ее!

О. Ангелъ удивлялъ меня особенно своимъ безкорыстіемъ и любовью къ людямъ. У него насчитывалась значительная врачебная практика, такъ какъ онъ зналъ разныя цѣлебныя травы и корни, которые помогали и отъ порѣза, и отъ ломоты, и отъ простуды.

Раннимъ утромъ, обыкновенно, появлялись у насъ на дворѣ его пациенты.

— Попъ Ангелка! Дойди тука!—кричалъ одинъ.

— Попъ Ангелка! Помоги, друже!

— Есть у тебя, чѣмъ помочь мнѣ отъ простуды?—спрашивалъ третій.

Попъ Ангелка съ ласковой улыбкой давалъ одному травки, другому мази или питья и категорически отказывался отъ платы и подарковъ.

Марица, его 16-лѣтняя дочь, темноволосая высокая дѣвушка, очень живая и симпатичная (болгарки, въ противоположность македонянкамъ, не отличаются красотой), усердно помогала отцу въ его практикѣ.

Случалось, что приходили сосѣди и просили у отца Ангела взаимны денегъ. О. Ангелъ всегда нѣсколько терялся при этомъ, такъ какъ денегъ у него никогда не было. Его супруга, довольно полная, пожилая особа, твердо держала въ своихъ рукахъ бразды хозяйства, и деньги находилась у нея.

О. Ангелъ сначала посылалъ Марицу просить денегъ у матери, потомъ отправлялся самъ, долго и смиренно просилъ, пока супруга не раздражалась упреками въ мотовствѣ и выносила ему нѣсколько копѣекъ. О. Ангелъ сейчасъ же отдавалъ ихъ сосѣдямъ и, конечно, забывалъ объ этомъ. „Мотовство“ его было на лицо.

В. Кольцовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Нежданная радость.

СУМРАЧЕНЪ, невеселъ въ послѣдніе дни Грозный царь... Давно уже тѣнь какой-то угрюмой, глубокой думы не сходила съ его лица. И словно отражая эту думу царскую на своихъ лицахъ, сумрачные, притихшіе ходятъ балагуры въ шую пору, бояре... Не видно шутовъ, скомороховъ... Въ эти дни и погода стояла все какая-то сѣрая, дождливая, хоть осень еще не поздняя стояла на дворѣ... Все какъ будто сговорилось быть союзникомъ царя въ его чувствахъ...

Но сегодня, словно нарушая этотъ сговоръ, еще съ ранняго утра выглянуло ясное солнышко и ярко свѣтитъ, блеститъ, переливается на маковкахъ московскихъ церквей... Всталъ царь, поглядѣлъ на ясное небо, еще больше нахмурился... И снова дума за думой, одна другой печальнѣе, понесли въ его уже не по лѣтамъ старческой головѣ...

Печально кончились важные замыслы царя. Хотѣлъ онъ овладѣть Балтійскимъ побережьемъ и войти въ близкія сношенія съ Западомъ... Сорвалось... Велики были силы Москвы; но западное военное искусство взяло верхъ надъ храбростью русскихъ. Въ январѣ 1582 года пришлось заключить на десять лѣтъ перемиріе съ польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ. Забралъ Баторій все завоеванія царя въ Ливоніи и Полоцкѣ. И то пришлось прибѣгнуть къ помощи папы римскаго.

Война со шведами продолжалась еще съ годъ. Наконецъ, въ маѣ 1583 года было заключено трехлѣтнее перемиріе на рѣкѣ Плисѣ. И Швеція удержала не только всю Эстонию, но и русскіе города: Яму и Копорье... Такъ печально разлетѣлись мечты русскаго царя, и это тяготитъ Грознаго: если такъ дальше будетъ идти, гдѣ и земли достать, какъ бы и царству цѣлу остаться... Тяготитъ дума царская и вѣрныхъ холоповъ Государевыхъ, что наполнили палаты дворца Кремлевскаго.

Но вотъ къ полудню, когда солнце уже не по осеннему припекало, лучи его, видно, проникли и во дворецъ... Вотъ у входнаго крыльца о чемъ-то заговорили бояре, смѣялись, чему-то радуются. Потомъ все ближе и ближе къ царской горницѣ, гдѣ сидѣлъ одинъ-одинешенекъ Грозный...

— Такъ говоришь, отъ самого Ермака? Значитъ, въ обманъ не введемъ великаго государя?—спрашивалъ грузный бояринъ молодого стремяннаго.—А то гляди: и допрежь сего отъ Строгановыхъ доходило, да самъ знаешь, каково всякому слуху вѣрять... Тогда и не докладывали царю-государю...

— Нѣ, эти ужъ навѣрное... Самъ атаманъ Кольцо, Михѣичъ, подумай только... Рази станетъ кто голову свою класть на плаху... Вина на немъ тяжелая. Небось, давно его головы ужъ дожидаемся. Да и Никита Панъ съ нимъ и Василій Мещерякъ — тоже зря не пошли бы..

— А гдѣ они?

— Въ избѣ земской ждутся, когда бы предстать предъ ясныя очи царскія, царствомъ цѣлымъ поклониться. И добычу привезли—мѣховъ всякихъ...

— Ну, постойте-жъ вы тутъ, а я подумаю, какъ порадовать царя-государя...

— Да пускай идетъ князь Болховской къ государю: онъ ношѣ вхожъ...

И вотъ отворилась дверь царской палаты, и на порогѣ ея появился воевода князь Болховской, съ улыбкой направляющій къ Грозному. Свѣта не взвидѣлъ царь и уже хотѣлъ занести палку остроконечную на нарушителя царскаго уединенія,—какъ услышалъ рѣчь льстивую, непонятную.

— Добро здравствовать, великій царь московскій да еще великій царь сибирскій,—говорилъ, земно кланяясь, хитрый царедворецъ...

— Невдомекъ мнѣ что-то, что хочешь сказать?—возвысилъ голосъ Грозный, но лицо его просвѣтлѣло, а хитрыя очи заглялись огонькомъ ожиданія чего-то хорошаго...

И царскій воевода сталъ рассказывать царю про подвигъ маленькой кучки русскихъ, завоевавшихъ великую Сибирь.

Длинна была исторія этого завоеванія. Началось оно мирнымъ путемъ. Еще въ 1558 году царь подарилъ богатымъ промышленникамъ Строгановымъ большія незаселенныя земли по обѣ стороны рѣки Камы до Чусовой. Царь надѣялся, что заселеніе пустопорожнихъ мѣстъ, заведеніе новыхъ промысловъ поможетъ государству расширить свои владѣнія.

Вскорѣ позволено было Строгановымъ набирать себѣ охочихъ людей, казаковъ, и ходить войной противъ враждебныхъ инородцевъ, такъ какъ промышленникамъ приходилось сталкиваться съ племенами, жившими по берегамъ рѣкъ — Тоболя, Иртыша и Туры. Здѣсь находилось

татарское царство, главный городъ котораго назывался Искеръ или Сибирь. По имени главнаго города и все царство называлось сибирскимъ...

Раньше сибирскіе ханы искали покровительства московскаго царя, одно время даже платили ему дань мѣхами (ясакъ), но послѣдній ханъ Кучумъ выказалъ вражду къ Москвѣ, а царевичъ Махметъ-Куль пытался добраться до строгановскихъ городковъ... Съ разрѣшенія царя Строгановы начали вооружаться, собирать дружины, чтобы защититься отъ сибирскихъ набѣговъ...

И вотъ на службу къ Строгановымъ явился человекъ, который не только защитилъ ихъ отъ Кучума, но и положилъ къ ногамъ русскаго царя цѣлый край. Человекъ этотъ былъ вольный казакъ Василій Тимофеевъ, по прозвищу Ермакъ. Какъ все казаки, онъ прежде „гулялъ“ въ степномъ раздолѣѣ, нападалъ на татаръ, да и русскимъ купцамъ порой спуска не давалъ.

Но вотъ, словно одумавшись, словно желая искупить свой грѣхъ, Ермакъ во главѣ шайки казацкой вольницы явился къ Строгановымъ. Главными помощ-

В. А. Романовъ

(сотрудникъ „Русск. Паломника“ † 27 декабря).

никами его были: Иванъ Кольцо, за свои разбои осужденный на смерть, но не пойманный, Никита Панъ и Василій Мещерякъ,—все это были молодцы, не знавшие страха. Походили на нихъ и остальные товарищи Ермака.

Строгановы рѣшили напасть на Кучума въ его собственныхъ владѣніяхъ, чтобы навсегда застраховать его. Ермакъ, исполнитель этого предпріятія, былъ снабженъ всѣмъ необходимымъ: съѣстными запасами, ружьями, даже небольшими пушками... И 1-го сентября 1582 г. Ермакъ отправился со своей удалой дружиной искать счастья...

Много бѣдствій пришлось съ тѣхъ поръ испытать буйнымъ молодцамъ, много разъ боевое счастье играло съ ними. По навѣтамъ одного воеводы, недоброта Строгановыхъ, царь даже приказалъ было имъ вернуть Ермака и не задирать сибирскаго „салтана“. Но царская грамота пришла поздно...

— А кто это мнѣ тогда совѣтовалъ?—перебилъ рассказчика Грозный, сверкнувъ глазами.

— Васька Евстигѣевъ,—радостно дрогнувшимъ голосомъ проговорилъ Болховской, бывшій въ неладахъ съ этимъ бояриномъ.

— Ну, продолжай!

И рассказчикъ продолжалъ.

23 октября того же 1582 года произошелъ, наконецъ, рѣшительный бой у Ермака съ войсками Кучума. Ужасы боя достигли неслыханныхъ размѣровъ. Но, несмотря на то, что враги были въ двадцать разъ многочисленнѣе, казаки сломали ихъ, и Кучумъ бѣжалъ изъ своей столицы. Скоро къ Ермаку стали приходять бить челомъ окружные народцы со своими князьками. Онъ приводилъ ихъ къ присягѣ на вѣрность русскому царю. Немного погодя былъ взятъ въ плѣнъ храбрый Махметъ-Куль, душа сибирскаго воинства,—и вскорѣ вся Сибирь была у ногъ Ермака, а онъ послалъ своихъ вѣрныхъ помощниковъ положить ее къ ногамъ русскаго царя, да и вымолить у него прощенье за прошлое...

Радостный дослушалъ царь Иванъ рассказъ Болховскаго.

— Ну, а гдѣ-жъ они?—спросилъ онъ про пословъ Ермака.

— Въ земской избѣ, государь. Велишь призвать ихъ на дворъ предъ твои свѣтлыя очи?..

— Распорядись, распорядись...

И вотъ черезъ нѣсколько времени состоялся царскій выходъ. Густою толпою стѣдовали за государемъ бояре. Но уже радостные, смѣющиеся: радостенъ быть, видѣли всѣ, самъ государь...

У крыльца Грозный остановился. Прямо предъ нимъ, повалившись ему въ ноги, лежали люди въ кольчугахъ, панцыряхъ... Рядомъ съ ними видѣлись дорогіе мѣха сибирскія, сѣдла сибирскихъ наѣздниковъ. Нѣсколько поодаль развѣвались знамена, невиданныя дотолѣ на Руси; усыпанная камнями самоцвѣтными, блестяла на серебряномъ массивномъ блюдѣ шанка царская...

— Что, смердъ, на плаху пріѣхалъ?—проговорилъ Грозный, дотронувшись до головы передняго.

Тотъ поднялъ поблѣднѣвшее отъ страха, загорѣлое, грубое, воинственное лицо. Это былъ Иванъ Кольцо.

— Не вели казнить, великій государь, вели слово молвить.

— Помилуй его, государь!—молвилъ и князь Болховской.

Но они, видно, не разслышали, что въ вопросѣ Грознаго звучала вовсе не жестокость...

Кольцо взволнованнымъ голосомъ началъ вновь рассказывать царю то, что онъ уже зналъ.

— Слышалъ, слышалъ,—ласково улыбался государь.—Сослужили вы мнѣ службу вѣрную. Да еще въ такую годину... Не ждалъ...Жалую я всѣмъ вамъ жизнь за вашъ подвигъ безпримѣрный, а атаману вашему пошлю шубу съ своего царскаго плеча да ковшъ серебряный,—цускай побалуется на радостяхъ изъ него,—да панцыря два наилучшихъ на грудь вѣрнаго воина...

Повеселѣло все отъ такихъ словъ царскихъ.

— Нужно и тебѣ на радостяхъ что-нибудь пожаловать,—смѣющимся голосомъ проговорилъ Грозный, обращаясь къ князю Болховскому,—снаряжайся-ка ты съ дружиною на помощь Ермаку... **Н. Колесовъ.**

Вѣсти и замѣтки.

◆ Особымъ совѣщаніемъ по преобразованію государственнаго совѣта уже выработанъ проектъ переустройства этого высшаго государственнаго учрежденія. Государственный совѣтъ будетъ состояться изъ членовъ, назначаемыхъ Высочайшею властью и выбираемыхъ Св. Синодомъ, губерскими земскими собраніями, дворянскими обществами, академіей наукъ, университетами и совѣтомъ торговли и мануфактуръ, а также его московскимъ отдѣленіемъ, мѣстными комитетами торговли и мануфактуръ, биржевыми комитетами и купеческими управами. Число членовъ, какъ назначаемыхъ, такъ и выбираемыхъ, должно быть одинаково. Между прочимъ, отъ Св. Синода предполагается 6 членовъ, изъ нихъ 3 благаго духовенства и 3 черпаго.

◆ Священнослужители одной изъ западныхъ епархій возбудили ходатайство о разрѣшеніи имъ носить на улицѣ свѣтскую одежду въ виду крайне враждебнаго отношенія мѣстнаго населенія къ русскимъ людямъ и особенно къ православнымъ священникамъ, какъ наиболее замѣтнымъ по своей одеждѣ представителямъ русской народности. Святѣйшій Синодъ не усмотрѣлъ оснований къ удовлетворенію этого ходатайства, о чемъ и поручилъ епархіальному преосвященному объявить просителямъ, съ напоминаніемъ, что православные русскіе священнослужители въ прежде бывавшія смутныя времена въ сихъ епархіяхъ носили присвоенное клиру одежаніе, не боясь насмѣшекъ и оскорбленій со стороны инославныхъ.

◆ Въ Петербургѣ образовалось «Общество активной борьбы съ анархіей и революціей», поставившее себѣ цѣлью содѣйствовать успокоенію родины и выборамъ въ Государственную Думу, а также противодействовать всякому террору и насилію. Какъ средства борьбы съ анархіей, общество намѣчаетъ слѣдующее: 1) устройство митинговъ и собраній, 2) послыка ораторовъ на митинги и собранія, устраиваемые съ цѣлью политическихъ забастовокъ, 3) въ случаѣ вооруженнаго насилія—противопоставлять вооруженное сопротивленіе, 4) устройство народныхъ столовыхъ и проч.

◆ Среди Петербургскаго духовенства возникаетъ новый «союзъ ревнителей православія», имѣющій своею цѣлью выясненіе и защиту исконнаго русскаго православія, а также борьбу съ сектанствомъ. Во главѣ его стоятъ нѣкоторые духовныя и свѣтскія лица.

Нѣсколько времени тому назадъ былъ арестованъ по политическимъ подозрѣніямъ священникъ села Тарабанова, Валуйск. у., Воронежской губ., о. Мерсцѣй, который и былъ заключенъ въ Валуйскую тюрьму. По сообщенію «Р. Слова», этотъ священникъ недавно былъ насильно освобожденъ крестьянами. И вотъ при какихъ обстоятельствахъ. На другой день послѣ заключенія въ Валуйки изъ двухъ тысячъ сѣтскихъ явилась толпа крестьянъ численностью до двухъ тысячъ человѣкъ, которая съ хоругвями, при пѣніи «Спаси Господи», освободила изъ тюрьмы своего пастыря, а также и другихъ арестованныхъ. Священникъ и крестьяне плакали. Затѣмъ священникъ въ присутствіи многочисленной толпы отслужилъ на городской площади молебенъ, послѣ чего состоялся митингъ. Вскорѣ въ городѣ явились казаки, разогнавшие толпу, и снова арестовали священника.

Въ высшихъ сферахъ признано необходимымъ подвергнуть общему пересмотру уставы духовныхъ учебныхъ заведеній, причемъ, однако, Св. Синодъ не признаетъ удобнымъ нынѣ же приступить къ указанному пересмотру на томъ основаніи, что вопросъ о созывѣ помѣстного собора православныхъ русскихъ іерарховъ уже предпринятъ и что соборъ этотъ, обсуждая способы усовершенствованія устройства русской православной церкви, несомнѣнно подвергнетъ своему разсмотрѣнію между прочимъ, и уставы духовныхъ учебныхъ заведеній.

Въ одной изъ газетъ появилась статья подъ заглавіемъ: «Во что обошлись Россіи разговоры о реформѣ высшей школы?» Авторъ напоминаетъ рядъ комиссій, учрежденныхъ для разработки университетскаго устава, и подводитъ итоги расходовъ на эти комиссіи. Обозначается, свыше 60 тысячъ. Университетскій уставъ, однако, до сихъ поръ не выработанъ...

Къ рисункамъ и портретамъ.

«Чти Господа отъ имѣнія твоего».

«Чти Господа отъ имѣнія твоего и отъ всѣхъ прибытковъ твоихъ, и напоишься житницы твоя до избытка, и точила твои будутъ переполнены новымъ виномъ», — съ такими словами наставленія обращается Премудрый къ своимъ современникамъ, которые весьма нуждались въ такомъ наставленіи, такъ какъ забывали Подателя благъ.

Въ этомъ случаѣ Премудрый напомнилъ тотъ заветъ, каковой въ числѣ прочихъ былъ въ громъ и молнія данъ иудейскому народу съ горы Синаи, — заветъ о десятинахъ (Лев., гл. 27, ст. 30, 32). «Всякая десятина на землѣ», — сказалъ тогда Господь: — «изъ сѣмянъ земли и изъ плодовъ дерева принадлежить Господу: это святыня Господня... и всякую десятину изъ крупнаго и мелкаго скота, изъ всего, что производитъ воля живому скоту, должно посвящать Господу».

Чѣмъ объясняется, что знаменовалъ и чему долженъ былъ научить этотъ заветъ о десятинахъ? Путемъ получения земли, на которой она жила, какъ даръ Божій; блага, какія получали на этой землѣ были, были въ значительной степени также даромъ, а потому за нихъ нужно было благодарить Бога, нужно было никогда не забывать о Немъ, чтобы не лишился Его милости.

В. А. Романовъ.

(Писана орудіемъ).

27-го декабря минувшаго года состоялся въ г. Черниговѣ дѣятельный съездъ Русскаго Антропологическаго Общества Василій Александровичъ Романовъ. За послѣдніе годы почившій проработалъ довольно большое участіе въ «Р. П.» своими очерками изъ жизни христіанскаго и иудейскаго Востока, которые появлялись въ печати за подписью: «В. Романовъ», «Р. Васильевъ», «Иррумъ-бей» и друг. Было также не мало его статей въ русскаго монастырскаго и народнаго брата, въ которыхъ авторъ очень картинно и мѣтко обрисовывалъ характерныя черты русской жизни...

Все, что писалъ покойный авторъ, было ему научно и пережито на опытѣ его многочисленныхъ поблудъ и путешествій, потребность въ которыхъ составляла, казалось, родную стихію его души, была раздѣлена въ малые края и утомившейся неподвижностью. Особенно тяготѣлъ покойный къ Востоку, куда совершилъ около десяти путешествій то по своей инициативѣ, то по порученію разныхъ обществъ — антропологическаго, общества пароходства и торговли, общества охраненія народнаго здоровья и друг. Покойный объѣхалъ Египетъ, Турцію, Сирію, Палестину, сѣверо-восточные берега Африки

и побережье Персидскаго залива. Эти путешествія дали ему возможность собрать очень цѣнные коллекціи по археологіи и антропологіи Востока.

Главное вниманіе онъ обращалъ на коллекціи краіологическія (черепки), при добываніи которыхъ нѣрѣдко даже рисковалъ своей жизнью. Кто знаетъ, какъ зорко оберегаютъ жители Востока «могилы предковъ», тотъ пойметъ, съ какою дѣйствительно опасностью были сопряжены поиски отважнаго антрополога, а также перевозка добытыхъ коллекцій. Только отличное знаніе турецкаго языка, восточныхъ нравовъ и обычаевъ, и даже особенности внѣшняго облика Василія Александровича, благодаря чему по его желанію и турки, и арабы принимали его за своего соотечественника, — объясняютъ, что сынъ благополучно выходилъ изъ тѣхъ опасностей, которымъ такъ часто подвергался...

Не мало было вывезено покойнымъ и памятниконъ чисто этнографическихъ, относящихся какъ къ древней жизни Востока, такъ и къ современной, — оружіе, одежда, сосуды, разныя украшенія, а также фотографіи современныхъ типовъ и мѣстностей.

Покойный — уроженецъ г. Чернигова. Высшее образованіе получилъ на естественномъ факультетѣ при Петербургскомъ университетѣ, гдѣ работалъ по отдѣламъ этнографіи и антропологіи подъ руководствомъ проф. Э. Ю. Петри, который оцѣнилъ талантъ молодого естествоиспытателя и, кажется, вдохнулъ въ него мысль о путешествіяхъ. Къ сожалѣнію, здоровье В. А-ча не вынесло изнурительныхъ поѣздокъ, и въ послѣдніе годы онъ страдалъ отъ сильныхъ приступовъ мигрени и нейрастеніи.

Вас. Ал. — чѣ обладалъ доброй и открытой русской душой. У него было много друзей и, кажется, ни одного врага, что такъ рѣдко бываетъ въ жизни, гдѣ много зависти, злобы и клеветы. Часы казались минутами, когда, бывало, много видѣвшій и много пережившій путешественникъ съ рѣдкимъ талантомъ рассказчика повѣствоваль о своихъ наблюденіяхъ, встрѣчахъ и впечатлѣніяхъ... Оттого такъ не вѣрится, что его не стало...

Но это — печальная истина, и всѣ, кто зналъ его, теперь со скорбію пожелаютъ объ утратѣ этого искренняго, добраго человѣка и помолвятся о немъ.

Миръ душъ его, всегда «искавшей въ жизни бури, какъ будто въ бурѣ есть покой»!..

Одинъ изъ многихъ.

П о ч т о в ы й я щ и к ъ.

Г. Х. — му. Ваше первое письмо не получено. По существу можно сказать только одно: церковь «вмѣшивается въ бракъ» потому, что считаетъ бракъ таинствомъ, и притомъ такимъ, которое, въ практическомъ отношеніи относится къ умноженію членовъ «царствія Божія» на землѣ, сохраняя въ то же время всѣхъ христіанъ отъ нравственнаго разложенія. «Стоять въ сторонѣ» отъ брачнаго вопроса церковь не можетъ. Непормальность бракоразводныхъ процессовъ состоитъ только въ томъ, что, желая сохранить чистоту брака, церковь беретъ на себя даже процессуальное выясненіе той грязи, о которой «нелѣтъ есть и глаголати», а обставляя формальный разводъ (часто фактически уже совершившійся и безповоротный) изнишними требованіями, — вмѣсто одного грѣха какъ бы толкаетъ на два: всѣмъ извѣстно, что для развода нужно... нанять жесвѣдителей и... заплатить крупную сумму адвокату. Иначе говоря: бѣдному человѣку развестись трудно, богатому легко. Это, конечно, прискорбно.

В. Н. Н. — ѣ. Если дѣйствительно у этихъ «христіанъ безъ Христа» вы «наблюдали глубокое одушевленіе братской любовью больше, чѣмъ въ нашей средѣ», то не должно ли это удерживать васъ отъ беспощадной хулы на нихъ? Не должно ли это еще больше укорять васъ и вразумлять? Мы вотъ исповѣдуемъ Христа Сыномъ Божиимъ и забываемъ слова апостола, что кто говоритъ о любви къ Богу и братьевъ своихъ ненавидитъ, тотъ лжетъ (1 Иоанн. IV, 20), а они, по вашимъ же словамъ, не забываютъ! Не только у нихъ, но даже и у язычниковъ всегда можно найти нѣчто такое, что слѣдовало бы принять и многимъ христіанамъ.

Д — д — вичу. Вполнѣ соглашаемся. Поправимъ только одинъ Вашъ промахъ (вѣроятно — опіску): постановленія русскаго собора могутъ быть обязательны не для «вселенской» церкви, даже не для всѣхъ православныхъ церквей, а только для русскаго.

№ 3 журнала „Русскій Паломникъ“ сдать на городскую почту 20 января въ 12 ч. 30 м. дня, на иногороднюю 21 января.

Издатель П. П. Сойкинъ.

Редакторъ И. Д. Феодоровскій.